

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работы Анны Фрейд в области детской психологии продолжают, а точнее, развивают идеи ее знаменитого отца. Будучи перенесенным в сферу изучения психологии ребенка, психоанализ в своем «детском варианте» в целом приобрел сугубо прикладную направленность.

Имея своей целью оказание помощи и поддержки подрастающему поколению в его движении по пути созревания, а также родителям, педагогам и другим взрослым, сопровождающим его на этом пути, психоаналитическая психология проникла в школы, детские сады и другие воспитательные и образовательные учреждения.

Вторжение психоанализа в поле детской психологии принесло свои плоды. Опираясь на огромное количество фактического материала, почерпнутого из тщательных наблюдений за тончайшими движениями и последствиями случаев детской патологии, за поведением детей в условиях различных учебно-воспитательных учреждений, детский психоанализ представил детальную характеристику возрастных этапов формирования психики с позиций совершенствования контроля над психофизическими функциями.

Сегодня, спустя более полувека существования детского психоанализа как самобытного метода психотерапии, а также «эго-психологии» как оригинального теоретического подхода, существующего в русле психоаналитической мысли, не остается сомнений в том, что в этих направлениях достигнуты впечатляющие результаты и почетный доктор Университета Кларка (США) и Венского университета (Австрия) Анна Фрейд имеет заслуженное право стоять в одном историческом ряду с основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом.

Цель данного издания — подчеркнуть актуальность и непреходящее значение наследия, оставленного Анной Фрейд. Пред-

ставленные здесь работы, охватывающие весь спектр ее интересов, в западном сознании давно и заслуженно успели стать классикой не только в области детской психологии, но и социальной работы, послужили основой некоторых воспитательных подходов, опирающихся на взаимосвязь психоанализа и образования.

Человек, избравший своей судьбой, своей карьерой путь, связанный с работой в детском учреждении, просто не имеет права оставаться некомпетентным в области, описывающей особенности развития психической жизни ребенка. Более того, Анна Фрейд полагает справедливым требование, которое должно быть предъявлено любому воспитателю или учителю перед началом их педагогической деятельности: разобраться в собственных проблемах и научиться избегать конфликтов. В противном случае дети могут оказаться лишь: «более или менее подходящим материалом для решения собственных проблем воспитателя и проявлений его бессознательного».

Актуальность тематики выступлений Анны Фрейд, опубликованных в этой книге, вселяет уверенность в том, что она в состоянии помочь современному педагогу решать сложные и даже более того, кажущиеся неразрешимыми задачи, поскольку учит отслеживать особый, первоначально скрытый смысл происходящего и убеждает в том, что подготовленный профессионал все же располагает в нелегком деле воспитания подрастающего поколения, возможностью оставаться объективным по отношению к детским переживаниям, освобождаясь (в строгой последовательности, предложенной детским психоанализом) от поверхностных, преждевременных и предвзятых суждений, характерных для неподготовленного сознания.

В заключение остается выразить надежду, что активная деятельность по популяризации психоаналитических идей, которая долгие годы велась Анной Фрейд и ее последователями, приведшая к эволюции этих идей и закономерному перемещению их в область педагогических исследований, найдет понимание, получит отклики и вызовет позитивный резонанс в кругу психолого-педагогической общественности.

Мы также надеемся, что эта книга способна вызвать прилив энергии и стать полезной прежде всего профессионалам, ежедневно решающим непростые задачи детского воспитания и развития.

Юрий Злобин, редактор.

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ В ДЕТСТВЕ: ОЦЕНКА ДЕТСКОГО РАЗВИТИЯ

Глава первая

Взгляд на детство с точки зрения психоанализа

Использование данных, полученных в анализе взрослых

Открытие того факта, что «истерические больные страдают главным образом от своих воспоминаний» (Breuer and Freud, 1983), стало началом психоанализа. Аналитики стали интересоваться преимущественно прошлым своих пациентов, а не их актуальными переживаниями и в большей степени проблемами, свойственными этапам роста и развития, чем зрелости.

В связи с этим возросли надежды на то, что психоаналитики могут быть так же компетентны в вопросах детского психоанализа, даже если они работали только со взрослыми пациентами. Их знания в области психического развития и их понимание взаимосвязи между внутренними и внешними силами, которые определяют индивидуальность каждого человека, должны были автоматически разъяснить все вопросы, которые связаны с эмоциональным состоянием ребенка или его нормальным развитием.

Однако следует заметить, что в то время было сделано очень мало для практического воплощения этих идей. Все усилия были

направлены преимущественно на то, чтобы выработать и усовершенствовать методику, которая выявила новые факты, касающиеся последовательности либидозных фаз развития (оральная, анальная, фаллическая), эдипова и кастрационного комплексов, амнезии раннего детства и т. д. Так как эти немаловажные открытия основывались на выводах, сделанных в ходе психоанализа взрослых пациентов, метод «реконструкции» детских переживаний был поставлен во главу угла и на его основе были сформированы многие понятия, являющие собой костяк современного детского психоанализа.

С другой стороны, потребовалось не более одного или двух десятилетий подобных исследований до того, как ряд авторов вышли за рамки простой теории и начали претворять в жизнь новые решения в области воспитания детей. Анализ взрослых невротиков не оставил сомнений в том, как велико влияние родительских отношений и отношений окружения, а также неискренности родителей в сексуальных вопросах, нереально высоких моральных требований, чрезмерной строгости так же, как и чрезмерной снисходительности, ненужных запретов, наказаний, раннего соращения. Изменить отношения путем улучшения условий воспитания и, таким образом, ввести так называемое «психоаналитическое воспитание», которое помогло бы предотвратить развитие неврозов, казалось сложной задачей.

Теперь, по прошествии более пятидесяти лет, оглядываясь назад, мы видим длинную череду ошибок и неудач. В то время было практически невозможно составить полную законченную систему стимулов, аффектов, взаимосвязей, орудий, функций и защитных механизмов эго, взаимозависимости и взаимодействия ид и эго и вытекающих отсюда нарушений развития. Теория психоанализа расширяла свои границы, за одним открытием следовало другое. Применение соответствующих познаний в вопросах воспитания и предупреждение умственных заболеваний происходили не иначе, как постепенно, шаг за шагом, следуя трудной и тернистой дорогой. По мере того, как совершались новые открытия в области клинических исследований или теоретиками разрабатывались нововведения и изменения, они выносились на обсуждение, трансформировались в предупреждения и наставления для родителей и учителей и становились неотъемлемой частью аналитического воспитания.

Последствия этих экстраполяций теперь хорошо известны. Так, в свое время, когда психоанализ особо подчеркнул совра-

шающее влияние ситуации, когда ребенок делит постель с родителями, и травматические последствия «первичной сцены» — наблюдения детьми полового акта родителей, последовали советы избегать физической интимной близости с детьми и предостережения от совершения сексуальных актов в присутствии даже самых маленьких детей. Когда в процессе анализа взрослых было подтверждено, что запрет на удовлетворение сексуального любопытства во многих случаях является причиной задержки интеллектуального развития, стало пропагандироваться раннее сексуальное просвещение. Когда обнаружилось, что истерические симптомы, фригидность, импотенция и т. д. восходят к запрету и последующему подавлению сексуальных проявлений детства, психоаналитическое воспитание было переориентировано на снисходительное, терпимое, либеральное отношение к проявлениям инфантильной прегенитальной сексуальности. Когда новая теория инстинкта определила агрессию как основное влечение, толерантность также была распространена на появления ранней детской враждебности, желание смерти родителей и сиблингов и так далее. Когда определили, что тревога играет центральную роль в формировании симптомов, все усилия были устремлены на то, чтобы снизить страх перед родительской властью и авторитетом. Когда чувство вины оказалось следствием конфликтов с внешним миром, за этим последовал строгий запрет на все воспитательные меры, способствующие формированию суперэго. Когда новый структурный взгляд на личность возложил ответственность за поддержание внутреннего баланса на эго, это вылилось в необходимость поощрения развития в детях силы эго, решительно оберегая их от воздействия, давления инстинктов. И уже в настоящее время, когда аналитические исследования были переориентированы на самые ранние события первых лет жизни и высветили их значимость, последовавшие открытия привели к новым и в некоторых отношениях революционным способам ухода за грудными детьми.

Благодаря этим длительным и тщательным разработкам, психоаналитическое учение не может быть признано несистематичным. Более того, его развитие проходило по спирали — вначале внимание концентрировалось на свободе побуждений, затем на силе эго, потом вновь на сохранении либидозных отношений. В поисках факторов, вызывающих отклонения, и защитных мер использовались последние психоаналитические исследования, которые обеспечивали более удачное решение проблемы.

Одни из советов, данных родителям в тот период, были согласованы друг с другом, другие — прямо противоположными и взаимоисключающими. Некоторые из них оправдывали самые радужные надежды. Таким образом, психоанализ числит среди своих успехов большое доверие и доброжелательное отношение между родителями и детьми, которое было достигнуто после того, как появилась искренность в обсуждении сексуальных вопросов. Другая победа была одержана над упрямством, свойственным определенной стадии раннего возраста, которое исчезало почти во всех случаях без исключения после того, как были выявлены все проблемы анальной фазы и приняты соответствующие меры. Также после того, как в соответствии с установлением более внимательного и тщательного подхода к оральным потребностям изменилось отношение к кормлению младенцев и отнятию их от груди, исчезли некоторые свойственные детям нарушения питания. Определенные типы расстройства сна (например, проблемы засыпания) были устранены после того, как смягчилось отношение к мастурбации, сосанию пальца и другим видам ауто-эротических действий.

С другой стороны, не было недостатка в разочарованиях и сюрпризах. Неожиданностью явилось то, что даже если детям доступно и простым языком разъясняют вопросы секса, это воспринимается неадекватно, и что они упорно продолжают верить в собственные представления о сексе, которые изображают отношения между взрослыми в соответствующих возрасту понятиях оральности и анальности, жестокости и грубости. Не менее неожиданным стало то, что снятие запрета на мастурбацию имело — кроме позитивных последствий — определенный нежелательный эффект в формировании характера, а именно, ликвидация чувства напряженности и борьбы, которое, несмотря на его патогенное влияние, служило также фундаментом морального воспитания (Lampl-de Groot, 1950). Кроме того, избавление ребенка от тревоги оказалось невыполнимой задачей. Родители делали все возможное, чтобы ребенок не испытывал страха перед ними, но это привело только к тому, что возросло чувство вины, то есть страх ребенка перед собственной совестью. В свою очередь, снижение строгости суперэго приводит к тому, что ребенок становится подвержен всем возможным тревогам, то есть чувствует незащищенность перед давлением своих инстинктов.

В итоге, несмотря на множество открытий, психоаналитическое воспитание так и остается перед целью, поставленной с

самого начала. Было бы справедливо, если бы дети, выросшие в современных условиях, хотя бы в некоторой степени отличались от предыдущих поколений, но они не свободнее от страха и от конфликтов, и они в не меньшей степени подвержены невротическим и другим психическим заболеваниям. Согласно вышесказанному, не существует «панацеи от невроза». Само деление на ид, эго и суперэго дает нам представление о физической структуре, в которой каждая часть имеет свое специфическое происхождение, определенные цели и предпочтения и свой индивидуальный режим функционирования. По определению, различные психологические факторы находятся в противоречии друг с другом, и это порождает внутренние разногласия, которые воплощаются в сознании как психические конфликты. Эти последние существуют там, где имеет место сложное структурное развитие личности и характера. Конечно, есть примеры, когда «психоаналитическое воспитание» помогает ребенку принимать правильные решения, которые способствуют сохранению его психического здоровья. Но также есть и много других, когда внутренние конфликты не могут быть предотвращены и становятся причиной тех или иных отклонений в развитии психики.

Возникновение детского анализа и его последствия

Многие сомнения и неопределенные моменты были разрешены с появлением детского анализа. Психоаналитики приблизились еще на один шаг к определению того, что должно было быть определено в самом начале — к детским ожиданиям и их реализации.

Для психоаналитической детской психологии, которая до этого базировалась исключительно на реконструкции анализа взрослых, таким образом открывался второй обширный источник. Для аналитиков стало важной теоретической задачей сравнение и противопоставление экспериментальных данных того и другого вида. Но детский психоанализ основывался не только на этом. Помимо изучения «взаимосвязей между конкретным окружением и развитием способностей ребенка», было выявлено «множество интимных подробностей о жизни детей», а именно то, что «фантазии так же как и обычные переживания возможно наблюдать, если только психоаналитик обеспечит обстановку, в которой мечты и ночные кошмары ребенка становятся понят-

ными»¹. Для аналитических терапевтов важно, что в раннем анализе для сознания пациента и наблюдения аналитика еще доступны инфантильные комплексы и их патологические последствия, то есть аналитик работает с возрастом, в котором пока еще не достигли своей полной силы инфантильная амнезия и покровные воспоминания.

Подробное изучение проблем детства, которые вытекают из многолетней практики психоанализа, основывается на индивидуальном подходе к развитию личности, что отличается от взглядов тех коллег, которые видят детский анализ только через призму выводов, сделанных на основе наблюдений над взрослыми. Поэтому детские аналитики не только предлагают долгожданные подтверждения аналитических предположений, они также содействуют нахождению решений, поскольку альтернативные гипотезы продвигаются реконструктивными методами². Они смещают акценты на специфические области и вносят коррективы в традиционные взгляды (А. Freud, 1951). И кроме всего прочего, они, как я попытаюсь показать далее, могут также внести свой вклад в метапсихологию и теорию психоаналитической терапии.

Непосредственное наблюдение детей на службе психоаналитической детской психологии

В своих теоретических рассуждениях аналитики недавно «пришли к соглашению, что психоанализ (и в особенности детский) не следует ограничивать данными, полученными с помощью исключительно психоаналитических методов» (Heinz Hartmann, 1950a). Несколько иначе обстояло дело на практике. Уже после выхода в свет «Трех очерков по теории сексуальности» (Freud, 1905), первое поколение аналитиков начало наблюдать и описывать поведение своих детей с учетом деталей инфантильной сексуальности, эдипова и кастрационного комплексов. Воспитатели детских садов, школьные учителя, люди, работающие со взрослыми, делинквентными и малолетними преступниками, применяли аналитические методы в своей работе в 20-х и 30-х годах, задолго до того, как такая работа — уже после войны — развернулась в систематическое и организованное предприятие.

¹ См.: Ernst Kris (1951).

² Ernst Kris (1950); Robert Waelder (1936).

Тем не менее, что касается наблюдений вне аналитической ситуации, аналитики, обычно имеющие дело с вытесненным и бессознательным материалом, испытывали к этому сильное недоверие, прежде чем смогли включить в сферу своих интересов результаты наблюдений внешнего поведения. В этом отношении будет небесполезно осветить отношения между психоанализом и непосредственным наблюдением² в их развитии за последние годы. На вопрос — возможно ли с помощью исследования поверхности сознания постичь структуру, механизмы функционирования и содержание личности — в разное время отвечали по-разному, и лишь с открытиями в области детского развития этот вопрос все чаще получает положительный ответ. Хотя не существует строгой исторической последовательности, которую можно было бы проследить, есть определенные аспекты и факторы, которые отчасти последовательно, а отчасти разрозненно освещают этот вопрос.

Сосредоточенность аналитиков исключительно на глубинном материале

На раннем этапе развития психоанализа и задолго до того, как зародился детский анализ, отношения между анализом и поверхностным наблюдением характеризовались в целом как отрицательные и враждебные. Это было время открытий бессознательного и постепенного развития аналитических методов — двух направлений, которые неразрывно связаны друг с другом. Задачей пионеров психоанализа было скорее подчеркнуть различие между наблюдением и скрытыми импульсами, чем их тождественность, чем попытаться установить факт существования скрытой, то есть бессознательной мотивации. Кроме того, проводимая работа имела оппозицию в лице общественности, которая отказывалась верить в существование бессознательного, к которому сознание не имело свободного доступа, или в возможность влияния на сознание таких факторов, которые недоступны непосредственному наблюдению. Непрофессиональная публика была склонна наделять аналитиков сверхъестественной способностью раскрывать самые сокровенные тайны человека с первого взгляда и упорствовала в своих заблуждениях, несмотря на все заявления аналитиков о том, что в своей работе они пользуются трудоемкими и медлительными методами, без которых видят не более чем микробиолог, лишенный своего микроскопа. Психиатры, даже признанные, не делают различий между реальными случаями изнасилования отцами-психотиками своих дочерей и бессознательными, скрытыми влечениями эдипова комплекса и называют пер-

вые вместо вторых «фрейдистскими фактами». В известном в свое время уголовном деле судья в своем обвинении даже ссылаясь на тот факт, что повсеместно сыновья желают смерти своим отцам, не учитывая при этом того, какие психические деформации необходимы, чтобы бессознательные и вытесненные импульсы стали сознательными намерениями и воплотились в действие.

Академические психологи, в свою очередь, пытались проверить или опровергнуть правомочность эдипова комплекса с помощью вопросников и анкет, то есть методами, которые в принципе по своей природе не способны проникнуть за барьеры, отделяющие сознательный разум от бессознательного и обнаружить у взрослых вытесненные остатки инфантильных эмоциональных стремлений.

Также и молодое поколение аналитиков этого времени было склонно смешивать содержание бессознательного с его очевидными проявлениями. В обучающих психоаналитических курсах, посвященных интерпретации сновидений, например, на протяжении многих лет одной из наиболее трудных задач для инструкторов было обучить дифференцировать скрытое и явное содержание сновидений и внушить студентам, что бессознательное стремится не проявляться на поверхности незамаскированным в процессе работы над сном и что сознательное содержание сна косвенным образом выражает скрытое содержание. Кроме того, стремясь проникнуть за границы сознания и навести мост между поверхностью и глубиной, многие пытались увидеть за внешними проявлениями страдающих от специфических бессознательных импульсов кровосмесительные или садомазохистские фантазии, кастрационные тревоги, желания смерти и т. д. — попытки, которые в то время были неосуществимы и, следовательно, ошибочны. Неудивительно, что в подобных условиях всех студентов-психоаналитиков предостерегали от того, чтобы пытаться использовать метод внешнего наблюдения, их не обучали работе с пациентами путем объяснения вытесненного материала и они не могли иметь дело с методами, которые только представляют угрозу главной аналитической задаче, — совершенствованию самой аналитической техники.

Производные бессознательного как материал для наблюдения

В тот же период существовали и другие открытия и факторы работы, которые помогали смягчить такой бескомпромиссный подход по отношению к поверхностному наблюдению. В конце

концов, аналитики использовали в целях терапии не бессознательную часть психики человека саму по себе, а ее производные.

Аналитическое сообщество, разумеется, ограничивалось специфическими мерами, которые способствовали получению таких производных посредством полной релаксации, в которой пациент легко подчиняется таким условиям, как временное прекращение действия его критической функции, — что делает возможным появление и выражение свободных ассоциаций; исключение моторной подвижности, которое способствует тому, что даже наиболее опасные импульсы могут быть вербализованы безобидно, без всяких последствий; использование личности аналитика в качестве объекта для переноса прошлых переживаний и т. д. Но, несмотря на то, что с помощью этих технических приспособлений производные бессознательного становятся более обильными и проявляются в более четкой последовательности, они прорываются из глубины и вторгаются в сознание не только в условиях аналитической сессии. В той степени, насколько аналитик готов вне зависимости от условий и обстоятельств воспринять проявления бессознательного, настолько же он склоняется учитывать их в качестве «рабочего материала». У взрослых это оговорки, ошибочные и симптоматичные действия, которые выражают подсознательные и бессознательные побуждения, сюда же следует отнести типичные сновидения и символику сновидений, значение которых может быть раскрыто и без интерпретационной работы. У детей, кроме того, это элементарные сновидения, которые обнаруживают скрытые желания, а также мечты, грезы которые предоставляют данные, касающиеся стадии либидозного развития маленького пациента с минимальными искажениями. Примером последних служат героические фантазии и фантазии избавления, которые свойственны мальчикам в период наивысшего развития их маскулинных стремлений; фантазии о семье и фантазии близнецов (Dorothy Burlingham, 1952), свойственные детям в латентный период как свидетельство разочарования родителями; фантазии об избииении, наличие которых указывает на фиксацию на садомазохистской, анальной стадии инфантильной сексуальности. Всегда находились аналитики, которые в большей мере, чем остальные, использовали подобные проявления для выявления бессознательного контекста. Однако та простота, с которой они выявляли эти связи, могла ввести их в соблазн отказаться от полного сотрудничества с пациентом, не заглядывать глубоко в бессознательное и игнорировать сопротивление. Но то же отношение к бессознательному, которое может превратить правильного

аналитика в «дикого», является необходимым условием для аналитического наблюдателя, который с помощью подобных методов может переводить различные виды внешних проявлений в ценную аналитическую информацию.

Защитные механизмы как материал наблюдения

Внешние проявления подсознания у взрослых и детей становятся еще более явными для аналитиков, когда внимание сосредоточено не только на подтексте и производных бессознательного, то есть на побуждениях, фантазиях, образах и так далее, но и на методах эго, препятствующих проявлению этих факторов в сознательном поведении. Хотя эти механизмы сами по себе являются автоматическими и бессознательными, их результаты достаточно явственны для наблюдателя-аналитика. Что, разумеется, не относится к такому механизму эго, как *вытеснение*. Ясное и простое, оно не оставляет никаких следов своей деятельности, на поверхности не остается ничего, кроме отсутствия тех склонностей и стремлений, которые, согласно психоаналитическому представлению о норме, являются обязательными компонентами личности. Если, например, родители описывают свою маленькую дочь как «нежную, ласковую, скромную, послушную», аналитик отметит очевидное отсутствие таких свойственных детству качеств, как жадность и агрессия. Если родители подчеркивают, что их старший ребенок «любит младших», аналитик будет искать скрытую зависть и ревность. Если ребенок описан родителями как «безразличный и не проявляющий интереса к различиям между мальчиками и девочками, детским гениталиям, взаимоотношениям между родителями», для нас очевидна внутренняя борьба, которая приводит к сознательному угашению здорового сексуального любопытства, и т. д.

К счастью, существуют и другие защитные механизмы, которые облегчают работу аналитика. Одним из них является *формирование реакции*, которое по определению выявляет скрытые мотивы реальных действий. Маленький мальчик, испытывающий сильный страх «всегда, когда отец вечером или в ненастную погоду уходит из дома», выдает тем самым свое вытесненное желание его смерти; то же самое касается детской тревоги, когда ребенок ночью прислушивается к дыханию спящего sibлинга, который, если недосмотреть, «может умереть во сне». Свойства стыда, жалости, отвращения, как известно, приобретаются детьми не иначе, как в результате внутреннего сопротивления проявлениям эротицизма, жестокости, желания пачкаться; их появление,

таким образом, является ценным диагностическим указателем. Подобным образом *сублимации* очень легко могут быть сведены к ими символизируемым примитивным импульсам, от которых они произошли. *Проекции* маленьких детей выдают их восприимчивость к множеству нежелательных качеств и установок и т. д.

Перенимая передовой психоаналитический опыт, аналитики также проявляют все больший интерес к проявлениям специфических комбинаций установок, то есть личностным типам, которые можно заметить невооруженным глазом и которые могут дать значимую информацию. Этот путь был открыт благодаря углубленному изучению генетических корней навязчивого характера, специфические свойства и наклонности которого — аккуратность, опрятность, упрямство, пунктуальность, скупость, нерешительность, накопительство и т. д. — берут свое начало из бессознательных анально-садистских стадий побуждений. Неясно, почему этот феномен, хотя и был изучен в числе первых, остается единственным в отношении инструктивных связей между поверхностными и глубинными процессами. Здесь мы разделяем высказанное З. Фрейдом предположение, «что и другие свойства характера сходным образом являются конденсатами или реактивными образованиями определенных прегенитальных формаций...» (1932).

Фактически, с момента написания этих строк в 1932 году, уже подтвердилось множество таких гипотез, особенно в отношении орального и генитального типов характера, в частности относительно детей младшего возраста. Если ребенок проявляет жадность, алчность, стремление к зависимости, требовательность или если у него развит страх отравления или он отказывается от пищи и т. д., очевидно, что угроза его развитию и прогрессу происходит из точки его фиксации на оральной стадии. Если он демонстрирует крайнюю амбициозность, связанную с импульсивным поведением, мы делаем заключение о фиксации на генитальной стадии. Во всех этих примерах связи между вытесненным содержанием ид и проявляющимся эго так неоспоримы и прочны, что аналитику достаточно одного взгляда, чтобы сделать точные выводы: что происходит или уже произошло в потайных уголках человеческого сознания.

Другие формы детского поведения как материал наблюдения

Постепенно с течением времени возникало «осознание того, что определенные знаки и сигналы, проявляющиеся в по-

ведении человека, могут быть бесполезны для аналитика» (Hartmann, 1950a). Многие поступки ребенка в результате анализа становятся понятными и могут быть выявлены те бессознательные моменты, которые лежат в их основе. Очевидность такого факта, как формирование реакции, побудила аналитиков собирать дополнительные сведения, которые имеют одинаково стабильные и неизменные связи со специфическими мотивами ид и его производными.

Если брать за отправную точку тот факт, что *исполнительность, чувство времени, чистоплотность и неагрессивность* являются безошибочными указаниями пережитых, относящихся к прошлому конфликтов, в основе которых лежат анальные стремления, тогда представляется возможным установить подобные указатели и для конфликтов фаллической фазы. Можно отметить *застенчивость и скромность*, которые являются реактивными образованиями и как таковые сменяют предшествующие эксгибиционистские тенденции, а также поведение, описываемое обычно как *шутовство, фиглярство*, которое в анализе раскрывается как искаженная форма фаллического эксгибиционизма, представление о котором как об индивидуальной особенности сменилось представлением о нем как о дефекте и изъяне. *Преувеличенная мужественность и бросающаяся в глаза агрессия* являются сверхкомпенсацией, которая выдает лежащий за ней страх кастрации. Жалобы на *плохое обращение и предвзятое отношение* являются очевидной защитой от пассивных фантазий и желаний. Если ребенок жалуется на чрезмерную *скуку*, мы можем быть уверены, что он насильственно вытесняет из сознания свои фантазии о мастурбации и мысли о занятиях ею.

Наблюдение за поведением детей в течение болезни также позволяет сделать заключения об их внутреннем психическом состоянии. Дети могут искать утешения в своем окружении или отдалиться от окружающих, стремясь к уединению и покою; то, какой из этих двух типов поведения он выбирает, выдает то, в какой степени его *нарциссизм* превышает или уступает силе его *привязанности к объективному миру*. Кроткое подчинение установленным доктором режиму, диете и ограничениям подвижности и т. д., которое часто ошибочно приписывается мнимой благоразумности и рассудительности ребенка, свидетельствует либо об удовольствии, извлекаемом им от регрессии к пассивному состоянию с сопутствующими ему заботой и любовью окружающих, либо о *чувстве вины*, то есть о восприятии ребенком болезни как заслужен-

ного наказания. Если поведение ребенка напоминает поведение *ипохондрика*, озабоченного своим здоровьем, это сигнализирует о недостатке внимания со стороны его окружения.

Даже наблюдение за типичной игровой деятельностью детей предоставляет множество полезной информации. *Рисование, конструирование, лепка, игры на воде и на песке* — хорошо известные виды сублимации анальных и генитальных желаний. Когда ребенок разбирает игрушки с целью узнать, что *внутри*, это выдает сексуальное любопытство. Показательным является даже то, как маленький мальчик играет в железную дорогу: его основное удовольствие является следствием серии аварий (как символ заинтересованности сексуальной жизнью родителей); он сосредоточен на постройке тоннелей и подземных линий (выражает интерес к внутренним органам); вагоны и машины всегда тяжело нагружены (как символ беременности матери); скорость и исправность являются для него основными факторами (как символ сексуальной активности). Предпочтение мальчиками той или иной позиции на *футбольном поле* во время игры символизирует их отношение к атаке, обороне, столкновению, успеху, поражению и в итоге — к активной маскулинной роли. *Увлеченность девочки лошадьми* либо скрывает примитивные аутоэротические желания (если девочка получает удовольствие от ритмичных движений лошади), или указывает на идентификацию с ухаживающей матерью (если девочке доставляет удовольствие ухаживать за лошадью, смотреть за ней и т. д.) либо зависть к пенису (если она идентифицирует себя с большим, сильным животным и расценивает его как часть собственного тела), или ее фаллические сублимации (при ее стремлении умело обращаться с лошадью, управлять ею, выдрессировать ее и т. п.).

Детские привычки *питания* значат для опытного наблюдателя больше, чем просто «фиксация на оральной фазе», которой приписывается большинство пристрастий в еде и наиболее ярким представителем которой является детское обжорство. Если углубиться в детали, можно обнаружить и другие подобные факторы. Помимо этого, так как нарушения приема пищи являются образующим фактором, характеризующим определенную фазу и уровень развития ид и эго, их детальное наблюдение и направление в нужное русло улучшает функционирование сигнальных и знаковых функций поведения.

Необходимо упомянуть и об одежде, еще одной области, которая может предоставить наблюдателю очень ценный матери-

ал. Хорошо известно, что эксгибиционизм может быть перенесен с самого тела на одежду и проявиться в форме тщеславия. Вытеснение и сопротивление предстают как пренебрежение к материалу одежды. Чрезмерная сензитивность по отношению к плотному, жесткому, «колючему» материалу указывает на подавляемый кожный эротизм. У девочек, испытывающих неприязнь к анатомическим особенностям своего тела, это выражается в избегании ношения женской одежды, неприятии всяческих оборотов, украшений и т. п., либо, напротив, в сильном пристрастии к кричащим, дорогостоящим нарядам.

Таким образом, разнообразные формы отношений и поведения детей, в том числе и вне анализа — дома, в школе, в компании сверстников или взрослых, являются, как было показано, почти неисчерпаемыми источниками наблюдения.

Так как каждый перечисленный тип поведения генетически связан со специфическим инстинктивным побуждением, из которого он происходит, это дает возможность на основании результатов наблюдений за детским поведением делать непосредственные заключения об определенных скрытых от сознания отношениях и конфликтах, играющих важную роль.

Фактически среди всего этого обилия информации не следует забывать, что велика возможность ошибки. Для одних аналитиков выводы подобного рода не имеют практической ценности, или, точнее выражаясь, они совершенно бесполезны на практике. Для того чтобы сделать их основой, толкование должно как игнорировать защитные механизмы эго, которые восстают против бессознательного (а это означает недовольство пациента), так и усиливать сопротивление.

Далее, не должна быть превышена зона влияния. Наряду с поведенческими факторами, которые становятся явными, существует множество других, которые происходят от одного или нескольких подсознательных побуждений и не привязаны ни к одному из них. Без объяснения путем анализа эти формы поведения остаются неразгаданными.

Эго в непосредственном наблюдении

Хотя в областях, описанных выше, непосредственный наблюдатель оказывается в невыгодном положении по сравнению с практикующим аналитиком, его положение значительно улучшается с включением психологии эго в сферу психоаналитической работы.

Поскольку эго и суперэго являются сознательными образованиями, непосредственное, то есть поверхностное наблюдение становится подходящим средством исследования в дополнение и в сочетании с методами глубинной психологии.

Например, нет расхождений в вопросе использования наблюдения за пределами аналитической сессии, по отношению к свободной от конфликтов области эго, то есть разным *системам эго*, которые служат ощущению и восприятию. Несмотря на тот факт, что результаты их деятельности имеют большое значение для интернализации, идентификации и формирования суперэго, то есть для процессов, которые доступны только в процессе анализа, сами по себе эго и суперэго, а также степень их влияния доступны оценке и измерению со стороны сознательных процессов.

Кроме того, поскольку *эго-функции* являются связанными, аналитик почти в равной степени прибегает к наблюдению как в ситуации анализа, так и за ее пределами. *Контроль эго* ребенка над двигательными функциями и развитием *речи*, например, может быть исследован при помощи непосредственного наблюдения. *Память* может быть исследована тестированием в том, что касается ее продуктивности и объема, но только аналитическое исследование поможет установить ее зависимость от принципа удовольствия (помнить только приятное, и забывать неприятное). Успешное функционирование или дефекты *тестирования реальности* обнаруживаются в поведении. *Синтетическая функция*, с другой стороны, работает незаметно, и ее нарушения обнаруживаются в анализе, за исключением наиболее тяжелых, серьезных случаев повреждения, которые становятся очевидными естественным образом.

Поверхностные наблюдения и глубинные исследования дополняют друг друга также в отношении таких значимых аспектов, как способы психического функционирования. Открытием первичного и вторичного процессов, первый из которых отвечает за работу сновидений и формирование симптомов, а второй за рациональное сознательное мышление, мы безусловно обязаны аналитической работе. Но различия между этими двумя процессами могут обнаруживаться даже при беглом взгляде, например, в процессе внеаналитического наблюдения за детьми на втором году жизни или подростками, склонными к делинквентному поведению. У обоих типов детей четко видна быстрая смена двух режимов функционирования: в периоды психического спокойствия по-

ведение обусловлено вторичными процессами, а когда пробуждаются инстинкты (сексуального удовлетворения, нападения или одержимости), вступают в силу первичные процессы.

В конечном счете существуют такие сферы работы, где непосредственное наблюдение, в отличие от аналитических исследований, становится методом отбора. Есть ограничения для прохождения анализа¹, установленные, с одной стороны, способами коммуникации, которыми владеет ребенок, а с другой стороны — возможностью осуществления взрослым переноса в процессе анализа и возможностью его использования в реконструкции инфантильных переживаний. Прежде всего, нет какого-то одного определенного пути, который ведет от анализа к довербальному периоду. В этом отношении в последние годы непосредственное наблюдение во многом обогатило аналитические знания, касающиеся материнско-детских отношений и последствий влияния окружающего в течение первых лет жизни. Кроме того, различные формы ранней тревоги разлучения с матерью становятся доступными для наблюдения в детских домах, при ютах, больницах и т. д., но не в процессе анализа. Такие открытия являются заслугой непосредственного наблюдения, что характеризует его очень положительно. С другой стороны, необходимо отметить в расходной части, что ни одно из этих открытий не было сделано прежде чем наблюдатели прошли аналитическую подготовку и что большинство жизненно важных фактов, таких, как последовательность развития либидо и инфантильные комплексы, несмотря на их очевидные производные, оставались незамеченными при непосредственном наблюдении до тех пор, пока не были реконструированы аналитической работой.

Существуют также сферы, где местное наблюдение, лонгитюдные исследования и детский анализ работают в сцепке. Мы получали исчерпывающую информацию, если за детальными записями поведения младенца следовал анализ ребенка в позднем детстве и полученные результаты сопоставлялись или если анализ маленьких детей служил прологом для детального лонгитюдного изучения внешнего поведения. Это дает дополнительное преимущество, заключающееся в том, что в таких экспериментах эти два метода (анализ и непосредственное наблюдение) служат проверке друг друга.

¹ См.: Heinz Hartmann, 1950a.

Глава вторая

Связь взрослого и детского анализа

Терапевтические принципы

Хотя различие между детским¹ и взрослым психоанализом постепенно становилось все заметнее, детские аналитики не торопились заявить о своем отступлении от классической методики. Напротив, все их стремления были направлены на то, чтобы подчеркнуть и выдвинуть на первый план сходство и идентичность обоих методов.

Казалось, для них являлось вопросом чести сохранить свое чувство принадлежности к тем же терапевтическим принципам², что и психоанализ взрослых пациентов. На языке детского анализа эти правила обязывают аналитика к следующему:

1. Не пользоваться авторитетом в отношениях с пациентом и тем самым, по возможности, исключить воздействие внушения.

2. Отказаться от использования отреагирования в качестве терапевтического средства.

3. Свести манипулирование пациентом к минимуму, то есть вникать в обстоятельства его детской жизни только в том случае, если в процессе работы обнаруживается их пагубное или потенциально травмирующее влияние.

4. Рассматривать анализ сопротивления и переноса, а также интерпретацию бессознательного материала как легитимные средства терапии.

Следующая этим предписаниям техника детского анализа ни в коей мере не уступала классическому анализу взрослых. Можно было быть уверенным, что успехи этой техники связаны с теми же фундаментальными принципами: анализировать сопротивление эго прежде содержания ид и позволять интерпретационному процессу свободно передвигаться между ид и эго вслед за появляющимся материалом; следовать от поверхности вглубь; предлагать личность аналитика для оживления и интерпретации бессознательных фантазий и установок; анализировать побуждения настолько это возможно в состоянии фрустрации и избегать их торества и победы над сознательной частью психики; верить в успех

¹ Все, что написано в этой главе по поводу детского психоанализа, относится только к одному его типу, с которым я непосредственно связана, но не к другим вариациям или методикам и теориям, берущим от него свое начало.

² См.: Edward Bibring (1954).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru